

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ГЕРБЕРТА МАРКУЗЕ

В статье, руководствуясь методологическими принципами социально-гуманитарного познания, автор анализирует философско-антропологическую концепцию немецко-американского философа Герберта Маркузе и дает оригинальную трактовку значимости дальнейшего исследования данных проблем с целью осознания человеком своего особенного онтологического статуса в новом тысячелетии.

На сегодняшний день огромное значение стали приобретать вопросы, связанные с отчуждением человека в современном обществе, в частности механизмы формирования отчуждения, предпосылки возникновения отчужденного сознания. В русле обсуждения этих проблем в новом свете начинает осмысливаться и онтологический статус человека. Концепции, выдвигаемые на протяжении всего XX века представителями различных философских школ гуманистического направления, задают новые пути разрешения проблемы отчуждения в веке XXI. Герберт Маркузе¹, совместив в своем творчестве психоаналитические и социологические тенденции рассмотрения специфики человеческой ситуации в индустриальном обществе, предложил оригинальный путь ее преодоления. Синтезируя экзистенциальную онтологию с социально-философскими идеями К. Маркса, Маркузе делает социокультурные процессы главным предметом проводимого им анализа, ведь именно они обуславливают возникновение отчужденного сознания.

Наибольшее внимание проблеме отчуждения Г. Маркузе уделяет в работе «Одномерный человек: исследование по идеологии развитого индустриального общества» (1964). Существующий тип западной цивилизации Маркузе определяет как в сущности своей иррациональную «технологическую рациональность» [1, с. 112-130], в силу того, что западному обществу присуща бессознательная нацеленность на завоевание, подчинение природы средствами научными, носящими и практико-технологический, и теоретический характер. Последний призван обосновать

необходимость по сути деструктивной, практико-технологической деятельности, ведь именно она является тем фундаментом, на котором зиждется общественный организм, подвергающийся жестокой репрессии составляющих его членов. Индустриальное общество стремится подчинить себе все импульсивное, как следствие – возрастает господство человека над человеком.

Первоначально в работе «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1955) Маркузе диагностировал современное общество с помощью фрейдистских категорий и описывал его развитие в рамках концепции перманентного конфликта между природой человека и его общественной формой существования [1, с. 17, 24]. Однако вскоре идею зависимости культуры от биологически детерминированного бессознательного человека Маркузе признал преодоленной. Он отмечал, что общество использует для своего развития процесс самосублимации сексуальной энергии индивида, устанавливая либидонозные трудовые отношения. Это, своего рода, проявление тоталитарности общественной организации: социальная реальность использует внутренние импульсы для своего прогрессивного движения вперед. Однако отчасти такая социально полезная деятельность позитивна, потому что не сопровождается репрессивной сублимацией. Общество уже преодолело период исторической организации человеческого существования, когда цивилизация и инстинкты людей находились в конфликте. Теперь цивилизация предпочитает не бороться с ними, а их переориенти-

¹ Г. Маркузе (1898-1979) являлся сооснователем так называемой «Франкфуртской школы» – Франкфуртского института социальных исследований, где с 1933 года вместе с Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером работал над созданием критической теории общества.

ровать, в частности на внешний мир, в форме труда.

По мнению Маркузе, достигнутый уровень науки и техники создает принципиально новую систему удовлетворения зачастую «ложных» материальных потребностей людей в высокоразвитых обществах. Становится возможным освободить инстинкты от ненужного подавления, тело может стать самодостаточной целью, труд в состоянии превратиться в свободную игру человеческих способностей. Но необходимость сохранения существующего социального порядка диктует, по Маркузе, всевозрастающее усиление репрессий в облике несоизмеримо выросшего общественного контроля.

Результатом этого процесса в условиях современной индустриальной цивилизации выступило формирование «одномерного человека» – объекта духовного манипулирования с пониженным критическим отношением к социуму и включенного в потребительскую гонку. Нынешняя ситуация, сложившаяся на западе, репрезентируется следующим образом: «...культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия и безопасности существования рождает репрессивную терпимость всех членов буржуазного общества, их одномерность и проинтегрированность во все общественные отношения» [2, с. 187]. Современное общество – это объединение «одномерных людей», которые стали таковыми в результате их глобальной отчужденности от общественных институтов, друг от друга, от самих себя. Человек отчужден от внутренних импульсов развития самого общества, которым он якобы управляет, на самом же деле управленческие политические и экономические организации давно стали рабами самостоятельно функционирующего общества потребления.

В современном индустриальном обществе человек превращается в аморфное существо, которое воспринимает как само собой разумеющееся производство средств разрушения, усиление потребления, лицемерную систему образования, деформирующую личность и имеющую конечной целью воспитание человека, защищающего ценности потребительского общества. Люди боятся деструктивного вмеша-

тельства со стороны враждебных им обществ, и именно эта опасность способствует поддержанию и совершенствованию индустриального общества, расширению человеческой экспансии в природу. Все это приводит к тому, что средства массовой информации с легкостью могут манипулировать общественным мнением, выдавая «частные интересы за интересы всех разумных людей», а соответственно и «политические потребности общества превращаются в индивидуальные потребности и устремления, а удовлетворение последних, в свою очередь, служит развитию бизнеса и общественному благополучию» [1, с. 255].

В описанном взаимодействии человека и общества, в связи с ситуацией аннигиляции репрессивной сублимации, Маркузе выделяет ряд положительных моментов. Во-первых, вырабатывается односторонне стимулируемая мотивация: человек желает того, что на данном уровне своего развития может ему предоставить общество. Это избавляет индивида от дополнительной психологической травмы, возникающей в результате конфронтации между желаемым и возможностью практической реализации овладения желаемым объектом. Во-вторых, большинство членов социума строит свою жизнь в рамках заранее заданной аксиологической системы, что избавляет их от выработки в ходе критического осмысления действительности приемлемых эстетических и нравственных ценностей. Это позволяет человеку освободить свое мышление от дополнительных усилий и вкладывать нерастраченные энергетические ресурсы в санкционированную обществом деятельность.

Проанализировав позитивные стороны современного общественного состояния, Маркузе фокусирует свое внимание на негативных сторонах индустриального общества: «Его производительность разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей, его мирное существование держится на постоянной угрозе войны, а его рост зависит от подавления реальных возможностей умиротворения борьбы за существование – индивидуальной, национальной и международной» [1, с. 256]. Отличительная особенность современного общества заключается в том, что оно сдерживает проявление

радикалистских сил в обществе уже не посредством прямых насильственных действий, а с помощью техники. Но общество – это не некая рациональная сила, оно в корне своем иррационально, так как силы, в нем действующие, стихийны, люди, в нем живущие и культивирующие образцы потребления, не осознают сущность этого общества.

В современном обществе свободно само общество, но не составляющие его люди. Общество – некая разумная метарельность, лишенная биологических недостатков и паразитирующая на бессознательных инстинктах индивидов. Раньше, однако, это было грубое подавление проявлений человеческой витальности, сейчас же – это ее преобразование, но все так же не способное принести людям чувство удовлетворения. Таким образом, индивид лишается возможности испытать полноценное чувство удовольствия, являющегося следствием нерепрессивно сублимированной психосексуальной энергии человека.

Существующее экономическое устройство социальной системы способствует солидаризации всех членов социума, тем самым усиливая зависимость людей от экономико-производственных процессов. Аппарат производства и распределения индустриального общества функционирует как система, заранее определяющая продукт аппарата и операции по его обслуживанию: «Технология служит установлению... действенных... форм социального контроля и социального сплавивания» [1, с. 261-262]. Цивилизация подавляет индивидуальность различными способами, репродуцируя антигуманистические виды деятельности, оправдывая это социальной необходимостью, обеспечивая слияние малых предприятий в эффективные производственные корпорации, проводя политику двойных стандартов в области экономики. Поэтому вполне правомерен вывод Маркузе: «Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной... демократической несвободы» [1, с. 264].

Маркузе дифференцирует «ложные» и «истинные» потребности, стимулируемые обществом. Ложные потребности навязываются человеку «особыми социальными интересами в процессе его подавления: это

потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать... Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей» [1, с. 268]. Конечно, существуют так называемые «первостепенные потребности», имеющие «безоговорочное право» на удовлетворение. Появление этих потребностей (потребность в питании, одежде, жилье), в их изначальной форме, не стимулируется обществом, но они получают свое разрешение в соответствии с уровнем культуры, достигнутым в определенной социальной общности. Но впоследствии общество, проявляя стихийную рациональность, оказывает влияние на человека, преобразуя форму удовлетворения биологически детерминированных потребностей из естественно-необходимой в извращенную, а также стимулирует возникновение новых потребностей, не являющихся имманентными индивиду. Без сомнения, право определения истинности или ложности потребностей принадлежит самим индивидам, но, как отмечает Маркузе, индивидам – свободным. А до тех пор, пока сознание человека остается объектом манипулирования, его ответ нельзя считать принадлежащим ему.

Действие рационального характера иррационально функционирующего общества приводит к тому, что ставится под сомнение само понятие «отчуждение»: неумеренное потребление превращается в потребность, люди узнают себя в окружающих вещах и стремятся обладать ими, они как бы стремятся к себе через посредничество товаров. «...Понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И эта идентификация – не иллюзия, а действитель-

ность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия» [1, с. 273]. Все это приводит к тому, что у человека формируется одномерное мышление, стремящееся вписать возникающие независимые идеи и цели в существующую потребительскую матрицу, в образ жизни, в требования существующих научных стандартов в определении понятий и в построении теорий. Как считает Маркузе, такой «новый способ мышления в настоящее время доминирует в философии, психологии, социологии и других областях» [1, с. 277].

Одна из важнейших причин отчуждения – это то, что человек лишился индивидуальности, передоверив ее технике, и тем самым стал придатком орудий труда: «Машинный процесс в технологическом универсуме разрушает внутреннюю личную свободу...» [1, с. 291]. Человек в современном индустриальном обществе является рабом и не в меру непосильного труда, а в связи со своим бытийственным статусом, превращаясь в инструмент, он сводится к состоянию вещи. «И то, что вещь одушевлена и сама выбирает свою материальную и интеллектуальную пищу, то, что она не чувствует себя вещью, то, что она привлекательна и подвижна, не отменяет сути такого способа существования. И наоборот, по мере того как овеществление стремится стать тоталитарным в силу своей технологической формы, сами организаторы и администраторы обнаруживают все большую зависимость от механизмов, которые они организуют и которыми управляют» [1, с. 297].

Но как остановить процесс подавления и рост производительности, имеющие такие негативные следствия, как избавление населения от лишних способностей, стимулирование необходимости в покупке товаров и выработка желания трудиться с тем, чтобы производить эти товары? Маркузе отвечает на этот вопрос так: «До тех пор, пока труд сам остается опорой и утверждающей силой, изменить эту систему господства не способны ни частичная национализация, ни расширение участия тру-

дящихся в управлении и распределении прибыли» [1, 299].

Формируется своего рода замкнутый круг: человек становится заложником потребностей, все в большей степени детерминируемых общественной машиной и которые он вынужден удовлетворять, вступая в трудовые отношения. А рост производства (появление огромного количества разнообразных товаров) и расширение сферы услуг стимулирует возникновение несущественных, «ложных» потребностей и т. д. Маркузе, акцентируя внимание на важном аспекте проблемы, которую следует попытаться решить, предлагает свои пути выхода из сложившейся ситуации. Один из путей, по которому можно пойти, для разрешения определенных аспектов проблемы: переориентировать общественное внимание с материально-производственного и потребительского процессов на главный элемент, являющийся его составляющей, – на человека. Человек должен вспомнить о себе, осознать себя, осмыслить свое существование в полной мере.

Помочь человеку в этом нелегком деле рефлексии и определении новых аксиологических координат может искусство. В связи с этим Маркузе уделяет внимание творческой составляющей в деятельности человека и особенно тщательно анализирует художественное творчество.

Однако и художественная сфера оказывается на всех уровнях пронизана отчуждением. Помимо отчуждения экономическо-социального существует и отчуждение художественное, являющееся опосредованным: «...художественное отчуждение – это сознательное трансцендирование отчужденного существования» [1, с. 323]. Для Маркузе искусство, с одной стороны, предстает как форма выражения репрессивных социальных процессов, как дополнительное отдаление людей от самих себя, с другой стороны, посредством искусства станет возможным произвести в сложившейся социальной действительности какие-либо изменения.

Современные образы художественного отчуждения являются образами, в которых человек испытывает удовлетворение, видит

в них то, что способно разрушить подавляющее их общество. Но эта позитивная отчужденность сталкивается с отчуждением социальным, в связи с чем «отчуждающая сила произведений интеллектуальной культуры приняла вид хорошо знакомых товаров» [1, с. 324]. Общество поглощает художественные произведения, примиряя противоречивые содержания. В связи с таким гармонизирующим плюрализмом стало возможным «безразличное» сосуществование разных истин, что является, по мнению Маркузе, еще одним признаком тоталитаризма, пробравшегося и в сферу культуры. Если раньше в искусстве возможно было выражение протеста, сейчас этот протест подавляется изнутри, начиная с личности автора какого-либо произведения искусства. Кроме того, искусство отчуждено от самой публики, к которой оно обращено.

До наступления эпохи индустриализации расстояние между художественной и социальной реальностью было велико, отношение к искусству было благоговейным. Сейчас же между будничностью и искусством не существует никакого зазора, ведь поддерживаемый художественным отчуждением, он все более смыкается под натиском развивающегося технологического общества. «Произведения, созданные отчуждением, сами встраиваются в это общество и начинают циркулировать в нем как неотъемлемая часть оснащения, служащего либо украшению, либо психоанализу доминирующего положения вещей. Они выполняют, таким образом, коммерческую задачу, т. е. продают, утешают или возбуждают» [1, с. 327]. Вот в чем причина роста массовой культуры.

Возможность осознания у людей своей отчужденности возникнет в том случае, «если ими овладеет потребность в изменении своего образа жизни, отрицании позитивного, отказе – потребность, которую существующее общество сумело подавить постольку, поскольку оно способно «предоставлять блага» во все большем масштабе и использовать научное покорение природы для научного порабощения человека» [1, с. 260].

Вероятно, впоследствии станет возможным и революционное преобразование сло-

жившейся общественной ситуации, о которой Маркузе писал в статье «Конец утопии» (1979). И такие прагматические действия не будут являться утопией в действительном смысле этого слова, так как утопическим некий проект можно назвать тогда, когда подобного рода трансформациям «препятствуют субъективные и объективные факторы данной общественной обстановки» [3, с. 19]. Но на сегодняшний день, отмечает Маркузе, в обществе существуют достаточные материальные и интеллектуальные силы, которые в состоянии преобразовать социальную данность, но, к сожалению, нынешняя организация производительных сил препятствует их конструктивному и рациональному использованию. Этот материально-интеллектуальный потенциал, который мог бы быть фундаментальным основанием свободного общества, никак не задействуется, так как общество в своей рациональной иррациональности сопротивляется этому освобождению.

Но если социум оказывает репрессивное воздействие на составляющих его членов, полностью подчиняя внутренним принципам своего существования и развития жизнь каждого индивида, то для коренных преобразований требуется воздействие на общество изнутри. Необходимо осознание каждым человеком необходимости в построении новой антропологической теории как возможного способа его существования. Человек должен понимать, что его экзистенция зиждется на идее «возникновения и развития жизненной потребности в свободе и жизненных потребностей свободы, которая больше не основывается на нехватке отчужденного труда и не ограничивается ими» [3, с. 20]. Потребность в осознании необходимости свободы для человека повлечет за собой новые потребности, в частности пересмотр существующей аксиологической системы, основанной на иудео-христианской морали. Эти новые потребности человека стали бы толчком к реорганизации техники как одной из сфер социальной жизни человека, которая пока используется иррациональной стихийной силой общества как один из рычагов оказа-

ния дополнительной репрессии, усиливая подчиненное и зависимое положение людей. Только в таком реорганизованном мире стали бы возможными новые отношения между людьми и иное отношение человека к существующим связям между собой и обществом.

Преодоление социально-культурного отчуждения возможно лишь через так называемый «Великий Отказ», тотальную негацию от господствующих ценностей и норм, от всех традиционных табу, то есть проведение так называемой «культурной революции», и эта инициатива должна перейти прежде всего к социальным «аутсайдерам», а также к студентам и интеллигенции. Важнейшей задачей «культурной революции» должно стать формирование «новой чувственности» у людей посредством авангардного искусства. Так как, по мнению Маркузе, эстетическое преобразование, раскрепощая сдерживающие силы в объекте своей трансформации, есть освобождение.

Итак, человек в индустриальном обществе отчужден от себя и от мира во всех сферах: экономической, политической, социальной, духовной. Однако именно через последнюю становится возможным преодоление отчуждения. Творение – это перманентное становление; и как только этические и эстетические элементы, продуцируемые искусством, оказываются нормой, застывшей ценностью, искусство перестает быть таковым, теряет свое творческое, витальное начало и становится силой, которая, усиливаясь социально-экономическим прессингом, довлеет над человеком, лишая его собственного «Я». По мнению Маркузе, только через осознание собственной подлинной свободы, через возврат к самому себе посредством своей творческой составляющей, всего объема заложенного в нем продуктивного потенциала возможно постепенное освобождение человека от чувства тотальной отчужденности и, в конечном итоге, его приближение и возвращение к самому себе.

Список использованной литературы:

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526, [2] с.– (Philosophy).
2. Философия XX века. Учебное пособие / Под ред. В.И. Добрынина. – М., ЦИНО общества «Знание» России, 1997. – 288 с.
3. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. – №6(45). – 2004. С. 18-23.